

УДК 316.014

Социальные сети как инфраструктура межличностного общения: трансформация и диффузия фреймов коммуникации (кейс томских студентов)

Андрей Петрович Глухов¹, Татьяна Алексеевна Булатова²

¹ кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций,
Томский государственный университет
GlukhovAP@tspu.edu.ru

² кандидат медицинских наук, доцент,
заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью,
Томский государственный педагогический университет
bulatowa@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации коммуникативной культуры виртуальных межличностных отношений и виртуальной идентичности молодежной аудитории в пространстве социальных медиа. Эмпирической базой проекта выступили полевые исследования виртуальных межличностных коммуникаций студенческой молодежи вузов г. Томска. Тем самым исследование имеет ярко выраженную региональную специфику. Были использованы методы полуструктурированных интервью и фокус-групп в форматах офлайн и онлайн, на виртуальных пабликах социальных сетей. Ведущий методологический прием — это реинтерпретация и транспонирование концептуальных схем теории с традиционного офлайн-общения на сетевые коммуникации. Это позволило выявить ключевые фреймы организации межличностных коммуникаций в пространстве социальных сетей. В соответствии с выдвинутой гипотезой, социальные медиа, выступая в качестве новой коммуникативной инфраструктуры межличностных коммуникаций, становятся несущей платформой для двух типов межличностных коммуникаций: межличностных близких сильных связей в формате приватной организации коммуникаций и межличностных слабых связей в формате полупубличной коммуникации. На основании аналитики и проведенных качественных исследований авторы пришли к выводу, что социальные платформы в отношении близких межличностных связей не меняют их структуры и организации. Но они предоставляют новые возможности логистики (планирования и выстраивания) отношений, менеджмента коммуникаций (в плане регулирования впечатления о себе, уровня вовлеченности, синхронизации контактов и доступа), а также снятия рисков и неопределенности (большей транспарентности отношений и легкости входа/выхода). Сетевые слабые связи в формате полупубличных коммуникаций маскируются в сетях под формат «квазиблизких» отношений и используются их участниками в целях самопрезентации и приобретения социального капитала в среде знакомых и профессионалов. Дальнейшая перспектива исследований виртуальных межличностных коммуникаций видится авторам в анализе изменения баланса режимов коммуникации под воздействием сетевых платформ. Также дальнейшего пристального изучения требует трансфер межличностных «фреймов» и паттернов отношений в сферу профессионально-делового общения, активно осуществляемый в сетевых полупубличных коммуникациях.

Ключевые слова: межличностная коммуникация, социальные сети, социология повседневности, культура сетевых коммуникаций, фреймы.

DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-2-82-96

Цитирование: Глухов А. П. Социальные сети как инфраструктура межличностного общения: трансформация и диффузия фреймов коммуникации (кейс томских студентов) / А. П. Глухов, Т. А. Булатова // Siberian Socium. 2017. Том 1. № 2. С. 82-96.
DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-2-82-96

ВВЕДЕНИЕ: СЕТЕВАЯ ЭКСПАНСИЯ В КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ТРАНСФОРМАЦИИ ФРЕЙМОВ ВИРТУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Появление социальных сетей и распространение виртуального общения ведет к конвергенции и внутренней трансформации порядков коммуникации. Социально-сетевая коммуникация и сетевые платформы, первоначально возникшие из потребностей пространственно-временной оптимизации межличностного общения и тайм-менеджмента коммуникаций, за короткий срок совершили экспансию во все сферы профессиональной коммуникации: журналистику (блогинг), маркетинг и рекламу (SMM), науку и образование (краудсорсинг и MOOC-обучение). Подобный фундаментальный сдвиг в культуре как профессионально-деловых, так и межличностных коммуникаций в сторону их симбиоза в виртуально-сетевом общении требует социально-психологического описания и концептуального осмысления с позиций наук о коммуникациях. Когнитивный стиль и коммуникативный порядок виртуальных социально-сетевых коммуникаций провоцируют формирование новой сетевой субкультуры отношений, общения и совместной профессиональной активности как феномена полупубличной (semi-public) коммуникации.

АНАЛИТИКА ВИРТУАЛЬНЫХ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ (ОБЗОР ПОДХОДОВ)

Данная статья посвящена анализу процесса трансформации межличностных коммуникаций под воздействием новой коммуникативной инфраструктуры социальных сетей и экспансии паттернов и фреймов межличностного общения в профессионально-деловую сферу. Она основывается на материалах исследовательского проекта по изучению особенностей организации межличностного общения цифрового поколения студентов (предварительные результаты исследования представлены в сборнике статей [2]).

Целью исследования было описание организации режимов межличностной коммуникации

цифрового поколения и трансформации привычных коммуникативных идентичностей межличностного общения в виртуальном пространстве социальных сетей. Исследование имело ярко выраженную региональную специфику.

В качестве **объекта исследования** выступила студенческая молодежь г. Томска. Томск, считающийся старейшим в Сибири образовательным центром, в 2015 г. официально получил право называться студенческой столицей России; научно-образовательный комплекс является для него градообразующим. Уровень цифровых компетенций, владения ИКТ и социально-сетевыми технологиями томских студентов — один из самых высоких в России.

Объектами наших исследовательских усилий выступили межличностные интернет-коммуникации типичных представителей сетевого поколения — студентов томских вузов с высоким уровнем цифровой компетенции / «цифровых аборигенов». В проекте использовались преимущественно качественные методы исследования: полуструктурированные интервью и фокус-группы, как в офлайн-, так и в онлайн-формате. С целью частичного переноса исследования в онлайн-формат спроектированы и опубликованы исследовательские площадки-группы для проведения интервью и фокус-групп «Френдинг, лайкинг, троллинг: исследование» [5] (количество подписанных участников группы — 64 человека) и «Френдинг, вирт, троллинг и лайкинг: исследование» [4]. Был проведен ряд полуструктурированных интервью со студентами томских вузов с высокой цифровой компетентностью на темы «Как я подаю себя в социальных сетях: совпадение/несовпадение моего реального „я“ и образа в сети», «Как завязать и поддержать общение в социальной сети: лучшие приемы, уловки, ресурсы», фокус-группа «Я реальный — Я виртуальный», «Общение в социальных сетях: виртуальный серфинг», «Способы завязать и поддержать виртуальный контакт в сетях флирта, дружбы, бизнеса», социологический опрос среди студентов (с выборкой более 100 респондентов) с целью выявления предпочтительных каналов поддержания межличностных отношений (см. рис. 1). В исследовании

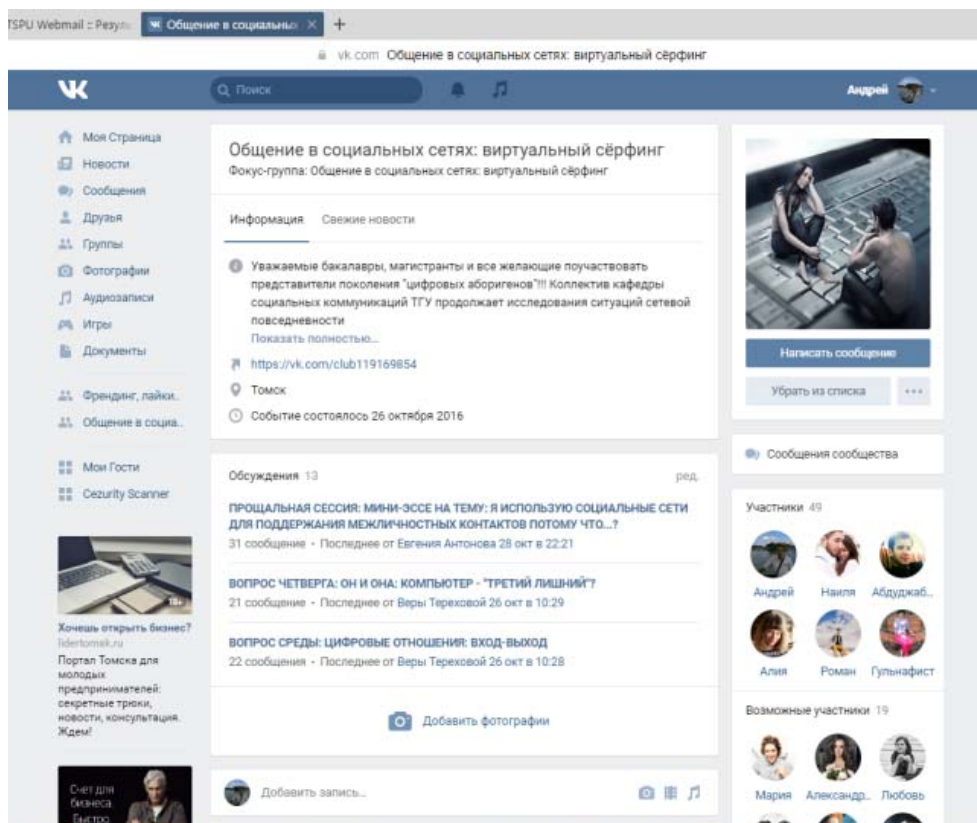
приняли участие студенты нескольких томских вузов различных направлений подготовки, в основном магистранты (НИ ТГУ, НИ ТПУ, ТГПУ); рекрутинг участников осуществлялся на основе принципа доступности, способности к саморефлексии и высокой цифровой компетентности.

В анализе межличностных сетевых коммуникаций мы опираемся на теории межличностного взаимодействия, разработанные ранее применительно к вневиртуальному контексту отношений: концепцию описания уровня вовлеченности в межличностные отношения М. Грановеттера и понятийный аппарат социологии повседневности. В качестве инструмента анализа мы используем реинтерпретацию и транспонирование концептуальных схем теории «порядков интеракции» и фреймов Ирвинга Гофмана с традиционного офлайн-общения на сетевые коммуникации.

Проблема «пересборки» межличностных отношений в пространстве виртуальной коммуникации актуализируется многими зарубежными исследователями. В рамках мировых исследований виртуальной коммуникации можно выделить достаточно широкое и разнообразное направление изучения виртуальных отношений и межличностных коммуникаций (virtual relationship). В частности, в научной литературе, анализирующей воздействие социальных сетей на социальные взаимоотношения (relationship), можно выделить целое направление исследований, посвященное выявлению воздействия социальных медиа на межличностные взаимоотношения, учебную и внеучебную деятельность учащихся колледжей и студентов различных стран (Studies on the Usage of Social Networking Sites among College Students). В частности, Лим Кеол и

Рис. 1. Интерфейс страницы виртуальной фокус-группы со студентами томских вузов «Общение в социальных сетях: виртуальный серфинг»

Fig. 1. The page interface of the virtual focus-group with the Tomsk high school students “Dialogue in Social Networks: Virtual Surfing”

Э. Б. Меер (Lim Keol, E. B. Meier, 2012) [11] в своем исследовании адаптации корейских студентов к процессу обучения в Соединенных Штатах стремились получить ответ на два ключевых вопроса: как иностранные студенты используют сайты социальных сетей (SSN) и как они оценивают влияние социальных сетей на их аффективно-эмоциональную и учебно-академическую адаптацию? Результаты исследования ясно показали, что корейские студенты выиграли от использования сайтов социальных сетей: виртуальное взаимодействие помогло сократить уровень их стрессовой нагрузки в новой для них западной культуре. Этому способствовала возможность виртуально подключаться и «подпитываться» от общения со своими родителями и друзьями в Южной Корее.

Американские исследователи Пелучетте и Карл (Peluchette and Karl, 2008) [13] провели опрос студентов Среднего Запада (США) с целью выяснения мотивов использования сайтов социальных сетей и восприятия пользователями относительной уместности публикуемой информации. Респонденты, как правило, твердо согласны с тем, что они чувствуют себя комфортно, общаясь со своими друзьями, одноклассниками и семьей через сети. Однако относятся скорее нейтрально к виртуальным посещениям и доступу к своим профайлам со стороны работодателей и незнакомцев.

Среда Интернет провоцирует любого пользователя на креативно-перформативную деятельность, связанную с осуществлением самопрезентации другим в различных чатах, форумах, блогах и аккаунтах социальных сетей. Западные исследователи Фриндте и Келлер [6] выделяют набор факторов, оказывающих влияние на самопрезентацию и идентификацию в Сети: опыт взаимодействия с компьютером и опосредованного компьютерного общения; присутствие и анонимность аудитории; степень самосознания пользователя; идентификация с социальной группой/категорией пользователей компьютера (социальная идентичность).

Чрезвычайно распространенными в западной традиции являются критические подходы к оценке интернет-коммуникаций как инструмента

редукции аутентичного межличностного общения. Согласно Берлингеру (M. R. Berlinger, 2000) [7], виртуальный жизненный опыт может лишить нас жизненной зоркости. Реальные человеческие контакты необходимы для нашего физического, психологического и социального благополучия. Чем больше времени пользователь проводит в Интернете, тем меньше времени он тратит на аутентичные отношения. Краут, Паттерсон и др. (R. Kraut, M. Patterson et al., 1998) [12] обнаружили, что частое использование сайтов социальных сетей приводит к циклическим психологическим отклонениям.

Поколение Y (рожденное между 1980 и 2000 гг.), похоже, теряет навыки реального социального взаимодействия и в основном коммуницирует через мессенджеры. Становится почти невозможно обнаружить людей, прогуливающих без мобильных устройств в руках. Уэлман и его коллеги описывают «семьи после семьи», которые взаимодействуют со своими устройствами больше, чем друг с другом (Wellman & Hogan, 2006) [15]. Некоторые исследователи указывают на то, что чрезмерное использование Интернета и социальных сетей может ограничить надлежащее развитие межличностных навыков [16].

Наиболее развернутая и обоснованная критика новых коммуникационных технологий в плане их негативного воздействия на межличностное общение и эрозии персональных отношений дана американской исследовательницей Шерри Тёркл в ее книге «Одиночество совместно» («Alone together»). Ш. Тёркл отмечает, что сила современных IT- и коммуникационных технологий заключается в том, что они, подобно змею-искусителю, предлагают соблазнительные решения там, где люди чувствуют свою человеческую уязвимость: «Мы скорее предпочитаем постить тексты на своих цифровых устройствах, чем говорить по телефону или «лицом к лицу» [14, с. 15]. Далее Тёркл отмечает, что виртуальные коммуникации торгуют надеждой, предлагая симуляцию общения взамен стоического одиночества: «Люди говорят о доступе к Интернету на своих мессенджерах BlackBerrys (известный зарубежный сервис-мессенджер. — прим. авт.) как о „месте надежды“

в жизни, месте, где одиночество может быть побеждено. Женщина в возрасте шестидесяти лет описывает свой новый iPhone: „Это похоже немного на то, что весь Таймс-сквер находится в моем бумажнике. Всюду огни. Всюду люди, с которыми я могу встретиться“. Люди одиноки. Сеть соблазнительна. Но если мы всегда будем внутри нее, мы можем отказать себе в наградах одиночества» [14, с. 16]. Тёркл подчеркивает компульсивно-навязчивый характер сетевого поведения современной молодежи и подростков. В целом способ квазисинхронной континуальной коммуникации с помощью смартфонов постепенно становится, как отмечает Ш. Тёркл, санкционированной социальной нормой, хотя еще в прошлом веке это выглядело бы как патология.

ТРАНСПОНИРОВАНИЕ ФРЕЙМОВ СОЦИОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НА СЕТЕВОЕ ОБЩЕНИЕ: РЕИНТЕРПРЕТИРУЯ И. ГОФМАНА

В рамках нашего анализа представляется релевантной операционализация и декомпозиция сильных межличностных отношений (таких как любовь, дружба, частично вражда) в терминах коммуникативного взаимодействия и обмена. Социолог Марк Грановеттер в 1973 г. в своей статье «Сила слабых связей» инициировал большую дискуссию, посвященную обсуждению природы сильных связей. Автор предположил, что различия в степени близости людей можно измерять через определение комбинации затрат времени, эмоциональной интенсивности общения, близости/раскрытия (взаимного доверительного общения) и взаимных услуг, которые все вместе и характеризуют силу связи [10]. М. Грановеттер определяет ключевые характеристики межличностных коммуникаций как сильных связей, отличающие их от деперсонализованного ролевого публичного общения. Это готовность к большим временным и эмоциональным издержкам на общение с человеком, готовность раскрыться и доверие, с этим связанное, а также коммуникативный неэквивалентный (в отличие от рыночного) обмен услугами. М. Грановеттер, по существу, утверждает, что сила межличност-

ных отношений является производной от нашей готовности к вовлечению, самораскрытию и издержкам в отношениях.

В книге Мойры Бёрк «Чтение, копирайтинг, отношения: влияние социальных сетей на отношения и благополучие» [8] предлагается использование модели силы сцепления в виртуальных отношениях. Эта модель основана на аналитике параметров близости, выделенных М. Грановеттером. М. Бёрк в качестве важного параметра межличностных отношений рассматривает не только активное взаимодействие в сетях, но также и пассивный мониторинг событий и активности друзей, отражающихся во френд-ленте. Бёрк задается в работе двумя ключевыми вопросами: «Как измерить уровень близости отношений?» и «Не происходит ли в социальных сетях вытеснение сильных социальных связей слабыми связями?» М. Бёрк описывает, как виртуальные отношения меняются со временем. Социально-сетевая активность является одновременно и отражением отношений, поддерживаемых в других пространствах, вписывающимся в их общую экологию, и инструментом для их культивации. М. Бёрк выделяет три аспекта анализа использования социальных сетей в плане выстраивания социальных отношений. Первый аспект анализа — это аналитика коммуникативных действий на сайтах социальных сетей, включая коммуникацию один на один с друзьями, пассивное потребление новостей френд-ленты друзей и трансляцию собственных обновлений широкой аудитории. Второй аспект анализа — это рассмотрение сравнительных преимуществ для индивида и социальных функций сильных и слабых социальных связей. Наконец, третий его аспект — мониторинг влияния использования социальных сетей на психологическое и жизненное благополучие в зависимости от различий в индивидуальных характеристиках пользователей (контекстов общения, развитости навыков общения в социальных сетях, внешних жизненных обстоятельств).

В качестве фундаментальной методологической платформы для анализа трансформации фреймов межличностной коммуникации в виртуальном пространстве социальных сетей мы выбрали об-

ший подход и эпистемологические схемы социологии повседневности И. Гофмана [3].

В парадигме «социологии повседневности» Ирвинга Гофмана ключевыми являются понятия «порядка интеракции» (именно так назывался последний доклад, сделанный И. Гофманом) как набора явных и латентных правил, регулирующих интерактивные взаимодействия, и фреймов как форм интерпретации акторами небуквального смысла в интеракции, неких фоновых знаний/условий вступления в коммуникацию¹.

В повседневных взаимодействиях в перспективе социологии повседневности можно различать три строго дискретных «порядка интеракции»/режима коммуникации и соответствующие им коммуникативные отношения: во-первых, *близкие межличностные отношения и приватные коммуникации (сильные связи любви и дружбы, родства)*, во-вторых, им в некоторой степени антагонистичны по своим установкам *институционально-ролевые отношения и публичные деперсонифицированные коммуникации*, не относящиеся вообще к классу межличностных коммуникаций. В-третьих, между этими полюсами находятся *полупубличные интеракции с неблизкими людьми* (знакомыми, приятелями, товарищами, соседями), выражающиеся в слабых социальных связях.

Два первых полярных режима коммуникации строятся на основании противоположных паттернов поведения акторов. Близкие приватно-интимные коммуникации (сильные связи) предполагают высокий уровень вовлечения в отношения, неформальность и персонализацию, готовность высоких коммуникативных издержек и взаимное самораскрытие как гарантию доверительности и близости отношений. Публичные обезличенные коммуникации в рамках институционально-ролевых отношений основываются на слабой вовлеченности, формализации и ролевой деперсонифи-

¹ А. Шюц в аналогичном смысле говорит о когнитивном стиле различных «жизненных миров» (повседневности, науки, религии, искусства, игры и др.), диктующих определенную интерпретацию ситуации и алгоритм действий в соответствии с правилами/нормами «жизненного мира».

кации, нацеленности на оптимизацию издержек при общении и личностную закрытость.

Для ситуации полупубличных (semi-public) коммуникаций² [8, с. 60] с неблизкими людьми характерен средний (между крайностями близких или деперсонализованных) уровень вовлеченности в отношения, установка партнеров по общению на самопрезентацию как гарантию построения «мостиков» доверия, формат «полупубличного» общения.

И. Гофман в своих известных поздних работах анализирует с помощью концептуального ряда понятий, образующих в его ментальной схеме «порядок интеракции» [1]³, прежде всего ситуации полупубличного (semi-public) общения.

Подобного рода полупубличное общение инкорпорирует в себя ярко выраженный компонент драматургического перформанса, самопрезентации с целью произвести впечатление, поскольку участники ситуации не состоят в близких межличностных отношениях (предполагающих большую транспарентность друг для друга, отсутствие скрытого «второго плана» и «закулисья»). В то же время они не столь регламентированы в своем поведении, как в случае публичного официально-институционализованного общения, когда личностные характеристики исполняющего социальную роль не имеют значения.

Еще одной ключевой особенностью подобного рода коммуникации является нацеленность на достижение «солидарного доверия» (trust), поскольку изначально в подобных ситуациях риска и неопределенности взаимодействия с малознакомыми или незнакомыми людьми оно отсут-

² М. Бёрк относит к полупубличным коммуникациям на Facebook комментарии, лайки, посты на стенах, которые видны другим пользователям и направлены на увеличение силы связи.

³ Далее в нашем анализе и транспонировании гофмановских понятий мы опираемся на исчерпывающий «разбор» понятийного аппарата концепции «порядка интеракции» (насколько в применении к И. Гофману с метафоричностью его языка вообще возможно говорить о цельном и логичном концептуальном аппарате), который дан в статье Г. С. Батыгина.

ствуует и требует постоянного воспроизводства. Два указанных принципа данного полупубличного региона коммуникации — драматургический перформанс и интенция на достижение доверия — диктуют логическое развертывание всего понятийного ряда гофмановского концепта «порядка интеракции».

Ниже мы постараемся применить аналитику гофмановского исследовательского подхода к конструированию «порядка интеракции», транспонируя и переинтерпретируя его на ситуацию социально-сетевой полупубличной коммуникации.

Перформанс, по Гофману, «это структура (arrangement), которая превращает индивида в сценического исполнителя, который, в свою очередь, является объектом наблюдения со стороны людей, образующих „аудиторию“. Этот исполнитель может разглядываться ими вдоль и поперек и действительно разглядывается без какого-либо риска обиды, поскольку сами его действия предназначены для разглядывания» [9, с. 124]. Как отмечает в своем анализе гофмановской концепции Г. С. Батыгин, «чтобы исполнения были успешными, индивид должен поддерживать в активном состоянии „фронт“ с соответствующим сценическим оснащением (stage props) — например, возвышение для выступающего с речью адвоката или белый халат врача, иметь подходящее для ситуации выражение лица, обнаруживать ролевые установки...» [1, с. 15]. Данные понятия драматургического перформанса и «фронта» (front) имеют, на наш взгляд, прямую аналогию с понятиями «виртуальной самопрезентации» и «наполнения аккаунта» в рамках социально-сетевых коммуникаций. Виртуальная самопрезентация в личном аккаунте и на публичной стене социальной сети, так же как и драматический перформанс в ситуации полупубличного общения знакомых (например, на светской офлайн-вечеринке), предполагает осознанные усилия, направленные на то, чтобы произвести впечатление на окружающих (в случае виртуальной коммуникации — «френдов» или подписчиков публика) и выстроить свою публичную идентичность с помощью специальных сценических приемов (stage props в терминологии И. Гофмана). Функционал

социальных сетей предоставляет для подобных действий определенное «сценическое оснащение» в виде оформления собственного аккаунта через выбор аватара, фото- и видеоряд, репрезентации своих ценностей, убеждений, интересов, увлечений, хобби, кумиров на своей публичной стене, публикации своих и републикации чужих материалов и комментариев в ленте новостей. Сетевое общение предоставляет гораздо более широкие возможности драматургического перформанса и «менеджмента впечатлений» о себе, чем ситуация офлайн-общения.

Менее определяемыми драматической установкой, но по-своему важными в плане организации полупубличного общения являются также активно используемые И. Гофманом и логически связанные между собой понятия «вовлеченности» (involvement), «доступности» (accessibility) и «гражданского невмешательства» (civil inattention). Гофман говорит о наличии нескольких «контуров вовлеченности» (как «деликатного равновесия» между чрезмерной односторонней вовлеченностью и самоконтролем) при участии в любой ситуации и ранжировании участниками общения доминантной и дополнительных вовлеченностей.

Современное цифровое поколение характеризуется установкой на многозадачность, квазисинхронизацию виртуальных коммуникаций (т. е. одновременное соприсутствие в нескольких виртуальных коммуникациях одновременно при низкой вовлеченности в каждой из них в отдельности) и осознанным менеджментом уровня вовлеченности за счет выбора форматов общения (офлайн-встреча, голосовое общение по телефону, обмен сообщениями в мессенджерах, асинхронное общение в социальных сетях, обмен эмодзи-нами). Уровень вовлеченности из данности офлайн-общения в рамках социально- сетевого общения превращается в проблему, требующую для своего решения специальных усилий. Для решения данной проблемы в области сетевого продвижения возникает целое профессиональное направление деятельности в рамках SMM — комьюнити-менеджмент — и проводятся регулярные замеры уровня SMA (social media activity), т. е., по существу, уровня вовлеченности.

Следующее связанное понятие — «доступность» — Гофман характеризует как, с одной стороны, общую открытость для контакта, с другой стороны — как интенциональный акт направленности на знакомство-контакт или «ратификации» — согласия в него вступить. Доступность определяется различного рода типами регламентов на «входе» в общение, именуемых приветствиями (воинское приветствие, поклон, реверанс, «похлопывание по плечу» и т. д.).

В пространстве социальных сетей доступность для общения как некий информационный маркер можно аналитически различать в трех измерениях: 1) как синхронное присутствие в сети и, соответственно, способность к контакту в данный момент времени (в некоторых сетях, например, ВКонтакте, и в большинстве мессенджеров подобное синхронное присутствие потенциального партнера по коммуникации маркируется определенными иконками); 2) как взаимное принятие во «френды», что облегчает возможность ситуативного вступления в контакт и означает более высокий уровень доступности друг для друга в виртуальном общении (как отмечают респонденты, участвовавшие в наших исследованиях, наличие номинации в качестве «френда» сильно облегчает первый контакт, и многие пользователи, чтобы завязать контакт, сначала посылают приглашение к «дружбе»); 3) обмен различного рода виртуальными знаками внимания (лайками, эмоджиками, «подмигиваниями») как способ «постучаться» и предложить начало актуального виртуального контакта. Социальные сети также характеризуются тем, что пользователь имеет техническую возможность регулировать уровни своей доступности, как и своей персональной информации для различных типов пользователей даже без их явного сетевого уведомления об этом.

Феномен «гражданского невмешательства» (понятие *civil inattention* И. Гофмана) на уровне социально-сетевого общения также предполагает аналитическое выделение трех измерений: 1) пассивный мониторинг и невмешательство в многочисленные дискурсы и комменты, баттлы, разворачивающиеся на публичной стене (ленте новостей); 2) невступление в общение с людьми,

не являющимися вашими «френдами», при пассивном мониторинге их дискурса без крайней на то необходимости; и, наконец, 3) установка на то, чтобы не беспокоить лишней раз ваших «френдов» без серьезных причин.

Обратимся к виртуальным трансформациям такой ключевой особенности межличностной коммуникации в формате слабых связей, как нацеленность на достижение «солидарного доверия» (*trust*).

Преодоление недоверия и ситуации неопределенности ожиданий в офлайн-полупубличном общении, согласно И. Гофману, осуществляется через применение процедур крепления (*anchoring*) фреймов, или рутинизацию повседневного опыта [9]. Как пишет Г. С. Батыгин, «люди привычно опознают, что есть что и кто есть кто благодаря следующим „креплениям“: *заклучению в скобки* (*bracketing devices*), *ролям* (*roles*), *преемственности ресурса* (*resource continuity*), *несвязанности* (*unconnectedness*) и *общепринятому представлению о человеке* (*what we are all like*)» [1, с. 20].

Одним из ключевых инструментов «крепления» фреймов применительно к ситуации социально-сетевого общения выступает персональный аккаунт пользователя. Обычно авторизованный через номер телефона или эл. почты, в терминологии Гофмана он дает возможность получить «общепринятое представление о человеке» через знакомство с наполнением аккаунта и анализ его архива-наполнения публичной стены. Однако это не единственная гарантия доверия в виртуальном общении, могут быть реинтерпретированы применительно к сетевому пространству и другие используемые Гофманом понятия «крепления». В частности, понятия «заклучения в скобки» и [коммуникативных] «ролей» так же, как и в офлайн-, в социальном пространстве общения способствуют определению ситуации и направлению потока коммуникации. В качестве внешнего «заклучения в скобки» применительно к ситуации социально-сетевого общения можно рассматривать сами типы платформ или содержательные типы пабликов в сетях, которые задают форматы общения, выделяя их «скобками» из общего потока коммуникаций (например, об-

мен комплиментами между виртуальными поклонниками/поклонницами, профессионально-деловое общение, фолловинг как следования за кумиром, дружеский «треп» в «беседах» или л/с). В качестве внутренних скобок, предвещающих или заканчивающих общение, в самих дискурсивных сетевых практиках выступают обычно лайки, эмодзи или выражения типа «Ок», означающие дефицит времени у собеседника и неготовность продолжать беседу.

«Примеривание» участниками социально-сетевого общения коммуникативных ролей «виртуального поклонника», «френда», «фолловера», «тролля» также вносит определенность в организацию сетевых коммуникаций и способствует избеганию коммуникативных рисков. Сетевые коммуникативные «роли» не являются в полной мере «калькой», дублированием офлайн-коммуникативных ролей, скорее здесь можно говорить о «квазиблизких» отношениях и «квазиблизких» коммуникативных ролях. Поскольку сетевой «френд» не тождественен реальному другу, а сетевой «тролль» — реальному врагу-недоброжелателю.

Гофмановская «преемственность ресурса» как способ «заякоривания» ситуации общения применительно к социально-сетевому пространству может быть проинтерпретирована прежде всего как архивируемость всех социально-сетевых событий и коммуникаций и возможность обращения к данным архивам. Подобная принципиальная необратимость всех действий в сети, с одной стороны, не позволяет начать общение «с чистого листа», но, с другой стороны, позволяет сильно снизить его риски.

Понятие *несвязанности* (unconnectedness) может быть проинтерпретировано сразу в трех смыслах: 1) как возможность выносить за «скобки виртуальной коммуникации», особенно обмена текстовыми сообщениями, все физические коммуникативно-негативные коммуникационные особенности или помехи (паузы, затянутости, заикания и т. п.); 2) как возможность тщательной редакции текстовых сообщений и элиминации всего случайно-лишнего в них; 3) как возможность последующего удаления и редактирования своей стены, комментариев и переписки в л/с.

В целом, применительно к социально-сетевой коммуникации, можно говорить, что функционал и формат коммуникаций на сетевых платформах открывают более широкие сравнительно с офлайн-общением возможности:

- *логистики* (планирования и выстраивания) отношений;
- *менеджмента* (в отношении регулирования впечатления о себе, уровня вовлеченности, синхронизации и доступа) коммуникаций;
- *снятия рисков и неопределенности* в организации полупубличных сетевых коммуникаций.

Подход «социологии повседневности» Ирвинга Гофмана, представляющий аналитику организации межличностных интеракций в «порядок интеракции» благодаря использованию различных «ключей» — «фреймов» — к интерпретации и определению ситуаций общения создает новые возможности. С одной стороны, детально описать «фреймирование» виртуального общения в сетях через выделение выше проанализированных нами многочисленных «фреймов» интеракции. С другой — определить принципиальные различия по отношению к офлайн-межличностной коммуникации в организации, механизмах и «оснастке» процесса «фреймирования» интеракции в ситуации социально-сетевого общения.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРЕЙМОВ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ: ВЗГЛЯД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ (КЕЙС ТОМСКИХ СТУДЕНТОВ)

В качестве *исследовательской гипотезы* реализуемого проекта был выдвинут тезис о том, что социальные медиа, выступая в качестве новой коммуникативной инфраструктуры межличностных коммуникаций, становятся несущей платформой для двух несходных типов: межличностных близких сильных связей в формате приватной организации коммуникаций (через мессенджеры и л/с) и межличностных слабых связей в формате полупубличной коммуникации (на публичной стене, в комментариях, в социальных пабликах/группах).

На основании переинтерпретации гофмановского подхода сформулированы предположения (требующие дальнейшей исследовательской верификации) о том, что социальные платформы как новая коммуникационная инфраструктура: 1) во-первых, способствуют трансформации близких сильных связей, сохраняя пространство интимной приватной коммуникации, благодаря настройкам приватности и наличию форматов общения в мессенджерах и л/с; 2) во-вторых, расширяют пространство полупубличных коммуникаций в виртуальную среду, масштабируют слабые связи и способствуют их превращению в социальный капитал; 3) в-третьих, транспонируют «фреймы» полупубличной коммуникации и слабых связей на пространство профессионально-деловой коммуникации, которая также частично перемещается в сетевую среду.

На основании аналитики и мониторинга сетей и проведенных качественных полевых исследований со студентами — представителями цифрового поколения могут быть сделаны **следующие выводы**. В отношении близких межличностных связей социальные платформы предоставляют новые возможности логистики (планирования и выстраивания) отношений, менеджмента коммуникаций (в плане регулирования впечатления о себе, уровня вовлеченности, синхронизации контактов и доступа) и снятия рисков и неопределенности (большей транспарентности отношений и легкости входа/выхода). В отношении инфраструктурного сопровождения слабых связей в формате полупубличных коммуникаций они имитируют/маскируются в сетях под формат «квазиблизких» отношений и используются их участниками в целях самопрезентации, приобретения и масштабирования социального капитала в среде знакомых и профессионалов.

Проведенная в ходе исследования проверка предположений о трансформации режимов коммуникации и коммуникативных отношений в сетевой среде позволила выявить следующие трансформации межличностного виртуального общения цифрового поколения.

Во-первых, коммуникативные опции и сама коммуникативная инфраструктура общения различных сетевых платформ нацелены на:

- 1) Упрощение и, одновременно, расширение возможностей для драматургического перформанса и самопрезентации пользователей в рамках слабых отношений (или завязывания сильных отношений на начальном этапе) в виртуальной полупубличной коммуникации. Это осуществляется посредством соответствующего технологического «сценического оснащения» (аватара, статуса, оформления аккаунта, публичной стены, комментариев, лайков, расшариваний и др.).
- 2) Максимальное вовлечение и активизацию партнеров по общению за счет использования различных технологически-коммуникативных и игровых драйверов полупубличной и приватной коммуникации, а также новых возможностей мониторинга отношений, событий и других обновлений, происходящих с «френдами»¹.
- 3) Получение пользователями возможности регулирования уровня своей вовлеченности и доступности/недоступности для партнеров по общению на основе настроек приватности и выбора форматов коммуникации (эмоционально-символический (эмотиконы), текстовый, аудиальный, аудио-визуальный).
- 4) «Легкость» отношений и экономию временных, пространственных и эмоциональных издержек приватной межличностной и полупубличной коммуникации².
- 5) Психологическое «крепление» партнеров по коммуникации за счет аутентификации личности в аккаунте и «гарантирования» репутации участников общения всей их архивированной историей отношений и коммуникации.

¹ Еще никогда в такой степени до появления социальных сетей людям не предоставлялось возможности быть в контексте жизни близких людей и знакомых, как сегодня, благодаря ленте новостей и обновлениям в статусе.

² При этом возникают опасения по поводу сохранения аутентичности отношений и их девальвации вследствие сокращения инвестиций в их развитие со стороны участников.

Во-вторых, уже сегодня можно говорить о формирующейся в молодежной среде коммуникативной культуре самопрезентации и драматургического перформанса цифрового поколения, выражающейся в стремлении получить практические компетенции в области расширившихся на социальных платформах возможностей «управления впечатлениями о себе». «Цифровые абorigены» проявляют в своем сетевом поведении установки на гиперрефлексивность своей виртуальной идентичности и идеализацию своего виртуального образа. Они активно используют для построения своего имиджа средства виртуальной социальной символики, прием динамичного перманентного обновления своего образа как способ напомнить о себе. Наконец, активно применяют предоставляемые социальными платформами гипертрофированные возможности сокрытия социальной «стигмы» и акцентуации своих достоинств. Цифровое поколение сознательно таргетирует (фокусирует) свои имиджевые месседжи-послания в зависимости от типа целевых аудиторий (родители, друзья, гендерные партнеры, потенциальные работодатели, педагоги) и типа социальных платформ (Одноклассники, ВКонтакте, Facebook, Twitter, Instagram и т. д.).

В-третьих, перенос на социальные платформы близких межличностных отношений, не меняя ни структуры, ни последовательного алгоритма «входа»/«выхода» из отношений, привносит в их организацию совершенно новые возможности менеджмента, большей управляемости и транспарентности. На этапе поиска партнера и «входа» в отношения социально-сетевые возможности самопрезентации и драматургического перформанса делают партнеров по коммуникации более «прозрачными» друг для друга и упрощают достигаемый контакт. Возможности по перманентному обмену сообщениями с помощью мессенджеров и социальных платформ позволяют достичь интерактивности и квазисинхронности близкого межличностного контакта, отсутствия необходимости пространственно-временной координации и ресурсоемких офлайн-встреч. Социальные платформы предоставляют и упро-

щенную облегченную форму «выхода» из отношений через удаление из списка «френдов» или, что еще безболезненнее, ограничения для определенного человека уровня доступа к аккаунту и информации на публичной стене.

В-четвертых, важно отметить, что на социальных платформах поддерживается целый класс отношений, который мы обозначили как «квазиблизкие». Это отношения с приятелями, знакомыми, в рамках не приватно-интимных, но полупубличных коммуникаций, которые, тем не менее, номинируются на сетевых платформах как отношения с «френдами».

Наличие «квазиблизкой» номинации в отношении слабых связей товарищества и приятельства маскирует факт, подтверждающий нашу изначальную исследовательскую гипотезу. А именно: в реальности социальные сети выступают как платформы и коммуникационная инфраструктура для поддержания двух разных типов отношений и режимов коммуникации: близких сильных связей любви, дружбы и родства и неблизких слабых связей знакомства. Оба типа отношений могут маркироваться одними и теми же номинациями (например, «френды» или «фолловеры»), но при этом рефлексивно четко различаться самими пользователями сетей.

ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФЕРА ПАТТЕРНОВ СЕТЕВОГО ОБЩЕНИЯ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ДЕЛОВУЮ СФЕРУ КОММУНИКАЦИЙ

В сетевом пространстве происходит своеобразная диффузия и конвергенция режимов коммуникаций и типов отношений, когда слабые связи номинируются как «квазиблизкие». При этом «фреймы» и паттерны организации полупубличных коммуникаций для поддержания слабых связей транспонируются и проникают в среду профессионально-деловых коммуникаций с ее уходящей в прошлое ориентацией на статусно-ролевые отношения и публичный дискурс.

Дальнейшая перспектива исследований виртуальных межличностных коммуникаций видится авторам в направлении анализа изменения баланса режимов коммуникации под воздействи-

ем сетевых платформ. Это способствует превращению межличностных коммуникаций в формате слабых социальных связей из периферийного маргинального явления в один из ведущих типов коммуникации. Социальные сети выступают как платформа и чрезвычайно эффективная коммуникативная инфраструктура для организации прежде всего полупубличных коммуникаций в формате слабых связей.

Подобное «социальное изобретение» несущей коммуникационной инфраструктуры в виде социальных платформ изменяет баланс режимов коммуникации. Межличностные коммуникации в формате слабых социальных связей из периферийного маргинального явления, находившегося «в тени», становятся одним из ведущих типов коммуникации. Более того, они осуществляют интервенцию своих «фреймов» и паттернов в сферу профессионально-деловой публичной коммуникации.

Профессионально-деловая коммуникация, в свою очередь, вынужденно перемещается на сетевые платформы. Поскольку это «территория» межличностного общения, здесь обезличенные

приемы традиционной нетаргетированной рекламы и деперсонализованного PR не работают.

Слабые социальные связи в сетевой среде неожиданно превращаются в важный социальный капитал и организующий фрейм профессионально-сетевой коммуникации. Это изменяет этику и этикет профессионально-делового общения на платформах социальных медиа.

Последствия частичного переноса типов профессионально-делового общения в пространство полупубличных коммуникаций на социальных платформах ждут своего дальнейшего изучения.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ/РФФИ (грант № 16-13-70004, проект «От симпатии к лайкингу, от любви к вирту, от дружбы к френдингу, от вражды к троллингу, от приверженности к фолловингу: региональный аспект трансформации фреймов межличностной коммуникации в виртуальном пространстве социальных сетей (на материале анализа коммуникаций нового сетевого поколения студенческой молодежи г. Томска)»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батыгин Г. С. Континуум фреймов: драматургический реализм Ирвинга Гофмана / Г. С. Батыгин // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2001. № 2. С. 15.
2. Глухов А. П. Социальные сети как площадка организации межличностных коммуникаций и перформанса идентичности цифрового поколения: сборник материалов исследования / А. П. Глухов, Т. А. Булатова, М. Н. Бычкова, Г. А. Окушова и др.; науч. ред. И. П. Кужелева-Саган. Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2016. 112 с.
3. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гоффман. М.: КАНОН-ПРЕСС, 2000. 304 с.
4. Площадка-группа, созданная в рамках авторского исследовательского проекта «Френдинг, вирт, троллинг и лайкинг: исследование». URL: <https://www.facebook.com/groups/1087976241225793/>
5. Площадка-группа, созданная в рамках авторского исследовательского проекта «Френдинг, лайкинг, троллинг: исследование». URL: <https://vk.com/club119169854>
6. Фриндте В. Публичное конструирование «Я» в опосредствованном компьютером общении / В. Фриндте, Т. Келлер, Т. Шуберт // Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А. Е. Войсунского. М., 2000.
7. Berlinger M. R. Internet and Alienation / M. R. Berlinger // The New York Times. 2000. February 23. URL: <http://www.nytimes.com/2000/02/23/opinion/1-internet-andalienation-946346.html?scp=1&sq=internet%20and%20alienation&st=cse> (accessed on: 7 October 2017).
8. Burke M. Reading, Writing, Relationships: The Impact of Social Network Sites on Relationships and Well-Being / M. Burke // Human-Computer Interaction Institute School of Computer Science Carnegie Mellon University Pittsburgh. Pennsylvania, 2011.

9. Goffman E. *Frame Analysis: An Essay in the Organization of Experience* / E. Goffman. New York: Harper and Row, 1974.
10. Granovetter M. S. *The Strength of Weak Ties* / M. S. Granovetter // *The American Journal of Sociology*. 1973. No 78 (6). Pp. 1360-1380.
11. Keol L. *International Student's Use of Social Network Services in the New Culture: A Case Study with Korean Youths in the United States* / L. Keol, E. B. Meier // *Asia Pacific Educ. Review*. 2012.
12. Kraut R. *Internet Paradox: A Social Technology that Reduces Social Involvement and Psychological Well-Being?* / R. Kraut, M. Patterson, V. Lundmark, S. Kiesler, T. Mukophadhyay, W. Scherlis // *American Psychologist*. 1998. No 53 (9). Pp. 1017-1031.
13. Peluchette J. *Social Networking Profiles: An Examination of Student Attitudes Regarding Use and Appropriateness of Content* / J. Peluchette, K. Karl // *Cyberpsychology and Behaviour*. 2008. No 11 (1). Pp. 95-97.
14. Turkle S. *Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other* / S. Turkle. Published by Basic Books, 2011.
15. Wellman B. *Connected Lives: The Project* / B. Wellman, B. Hogan // In P. Purcell (ed.). *Networked Neighbourhoods*. London: Springer-Verlag, 2006. DOI: 10.1007/1-84628-601-8_8
16. Wolak J. *Escaping or Connecting? Characteristics of Youth Who Form Close Online Relationships* / J. Wolak, K. Mitchell, D. Finkelhor // *Journal of Adolescence*. 2003. No 26 (1). Pp. 105-119.

Social Networks as an Infrastructure of Interpersonal Communication: Transformation and Diffusion of Communication Frames (Tomsk Students' Case)

Andrei P. Glukhov¹, Tatiana A. Bulatova²

¹ Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor,
Department of Social Communications, Tomsk State University
glukhovap@tspu.edu.ru

² Cand. Sci. (Med.), Associate Professor,
Head of the Department of Advertising and Public Relations,
Tomsk State Pedagogical University
bulatowa@mail.ru

Abstract. This article analyses the transformation of the communicative culture of virtual interpersonal relations and the virtual identity of the youth audience in social media space. The empirical base of the project is the field research of virtual interpersonal communications of student youth in Tomsk universities. Thus, this study has a pronounced regional specificity. The authors have used semi-formalized interviews and focus groups in offline and online formats on virtual social media sites. The main methodological method is the reinterpretation and transposition of theoretical conceptual schemes from the traditional offline communication to network communications. This allowed to identify the key frames of organising interpersonal communications in the social network space. In accordance with the hypothesis, the social media, as a new communicative infrastructure of interpersonal communications, becomes a carrier platform for two types of interpersonal communications — interpersonal strong close ties (as in a private communication organization) and interpersonal weak ties (as in semi-public communication). Based on analytics and the conducted qualitative research, the authors have come to the following conclusions: social platforms in relation to close interpersonal relationships do not change their structure and organization. Yet, they provide new opportunities for logistics (planning and alignment) of relations, management of communications (in terms of regulating the impression of oneself, the level of involvement, synchronization of contacts and access), and removing risks and uncertainty (greater transparency and ease of entry/exit). Weak network ties (in the format of semi-public communications) are masked as “quasi-close” relationships, and their participants use them for the purposes of self-presentation and acquisition of social capital among their acquaintances and other people. The authors see the further prospect of research of virtual interpersonal communications in the analysis of changes in the balance of communication modes under the influence of network platforms. Additionally, a further thorough study requires the transfer of interpersonal “frames” and patterns of relations into the sphere of professional and business communication, actively implemented in networked semi-public communications.

Keywords: interpersonal communication, social networks, everyday sociology, culture of network communications, frames.

DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-2-82-96

Citation: Glukhov A. P., Bulatova T. A. 2017. “Social Networks as an Infrastructure of Interpersonal Communication: Transformation and Diffusion of Communication Frames (Tomsk Students' Case)”. *Siberian Socium*, vol. 1, no 2, pp. 82-96.

DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-2-82-96

REFERENCES

1. Batygin G. S. 2001. "Kontinuum freymov: dramaturgicheskiy realizm Irvinga Gofmana" [Continuum of Frames: The Dramatic Realism of Erving Goffmann]. Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya, no 2, pp. 15.
2. Glukhov A. P., Bulatova T. A., Bychkova M. N., Okushova G. A. et al. 2016. Sotsial'nye seti kak ploshchadka organizatsii mezhlichnostnykh kommunikatsiy i performansa identichnosti tsifrovogo pokoleniya: sbornik materialov issledovaniya [Social Networks as a Platform for the Organization of Interpersonal Communications and the Performance of the Identity of the Digital Generation: A Collection of Research Materials]. Edited by I. P. Kuzheleva-Sagan. Tomsk: Tomsk State University.
3. Goffman E. 2000. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni [The Presentation of Self in Every Day Life]. Moscow: KANON-PRESS.
4. Ploshchadka-gruppa, sozdannaya v ramkakh avtorskogo issledovatel'skogo proekta "Freuding, virt, trolling i layking: issledovanie" [Site Created in the Framework of the Author's Research Project "Friending, Virt, Trolling, and Liking: Research"]. <https://www.facebook.com/groups/1087976241225793/>
5. Ploshchadka-gruppa, sozdannaya v ramkakh avtorskogo issledovatel'skogo proekta "Freuding, layking, trolling: issledovanie" [Site Created in the Framework of the Author's Research Project "Friending, Virt, Trolling, and Liking: Research"]. <https://vk.com/club119169854>
6. Frindte V., Keller T., Shubert T. 2000. "Publichnoe konstruirovaniye 'Ya' v oposredstvovannom komp'yuterom obshchenii" [Public Construction of the "I" in Computer-Mediated Communication]. In: Voyskunskiy A. E. (ed.). Gumanitarnye issledovaniya v Internete. Moscow.
7. Berlinger M. R. 2000. "Internet and Alienation". The New York Times, February 23. Accessed on: 7 October 2017. <http://www.nytimes.com/2000/02/23/opinion/1-internet-and-alienation-946346.html?scp=1&sq=internet%20and%20alienation&st=cse>
8. Burke M. 2011. "Reading, Writing, Relationships: The Impact of Social Network Sites on Relationships and Well-Being". Ph. D. diss. Pittsburgh: Human-Computer Interaction Institute, School of Computer Science, Carnegie Mellon University.
9. Goffman E. 1974. Frame Analysis: An Essay in the Organization of Experience. New York: Harper and Row.
10. Granovetter M. S. 1973. "The Strength of Weak Ties". The American Journal of Sociology, no 78 (6), pp. 1360-1380.
11. Keol L., Keol E., Meier B. 2012. "International Student's Use of Social Network Services in the New Culture: A Case Study with Korean Youths in the United States". Asia Pacific Educ. Review.
12. Kraut R., Patterson M., Lundmark V., Kiesler S., Mukophadhyay T., Scherlis W. 1998. "Internet Paradox: A Social Technology that Reduces Social Involvement and Psychological Well-Being?". American Psychologist, no 53 (9), pp. 1017-1031.
13. Peluchette J., Karl K. 2008. "Social Networking Profiles: An Examination of Student Attitudes Regarding Use and Appropriateness of Content". Cyberpsychology and Behaviour, no 11 (1), pp. 95-97.
14. Turkle S. 2011. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. Basic Books.
15. Wellman B., Hogan B. 2006. "Connected Lives: The Project". In P. Purcell (ed.). Networked Neighbourhoods. London: Springer-Verlag. DOI: 10.1007/1-84628-601-8_8
16. Wolak J., Mitchell K., Finkelhor D. 2003. "Escaping or Connecting? Characteristics of Youth Who Form Close Online Relationships". Journal of Adolescence, no 26 (1), pp. 105-119.